

нуть, что удовлетворите их требования. Не стоит и убеждать вас, что, если вы не принесете такую клятву, они отрубят голову и вам, и всем вашим людям». Король ответил, что эмиры могут делать все, что им нравится, но сам он лично скорее умрет как добрый христианин, чем будет жить во вражде с Господом и Его матерью.

Патриарх Иерусалимский, уважаемый пожилой старец восьмидесяти лет, получив от сарацина охранную грамоту, пришел на помощь королю, чтобы поспособствовать его освобождению. Между христианами и сарацинами был в ходу обычай, что если король или султан умирает, то те, кто в это время были послами, будь то в христианской или в языческой земле, становятся узниками и рабами. Поскольку султан, который выдал патриарху охранную грамоту, ныне погиб, этот уважаемый человек стал узником, как и мы. После того как король передал свой ответ эмирам, один из них заявил, что это было сделано по совету патриарха, и сказал остальным сарацинам: «Если вы мне доверите, я заставлю короля принести клятву, потому что брошу голову патриарха на колени его величества».

Остальные эмиры не послушались его; они разлучили патриарха с королем и привязали его к шесту в царском шатре. Руки старика были так крепко связаны за спиной, что распухли до размеров головы, и из-под ногтей стала проступать кровь. Он закричал: «Ваше величество, клянитесь без опасений; чтобы вы честно соблюли свои обещания, я возьму на свою душу любой грех, который может быть в том, что от вас требуют!» Я не знаю, как все разрешилось, но в конце эмиры остались довольны тем, как была принесена эта клятва и королем, и другими, которые были с ним.

Почти сразу же после смерти султана его гербы и регалии были помещены перед палаткой короля, и ему сообщили, что эмиры, собравшись на совет, выразили большое желание сделать его султаном Египта. Король спросил меня, думаю ли я, что он должен принять это королевство, если оно будет предложено ему. Я сказал ему, что в таком случае он поступит очень глупо, поскольку видел, как эти эмиры убили своего прежнего властителя.

Могу сказать, что из этого ничего не вышло. Сарацины пришли к выводу, что король – самый непреклонный христианин, которого только можно найти. В доказательство этого они приводили примеры, что каждый раз, покидая свою палатку, он крестом ложится на землю и осеняет себя крестным знаменем с головы до ног. Они говорили, что, если бы Магомет позволил бы так дурно обращаться с ними, как довелось вынести королю, они бы не смогли сохранить веру в него. Более того, они говорили, что, если сарацины сделают короля своим султаном, они все перейдут в христианство – или же он приговорит их к смерти.

После того как договор между королем и эмирами был заключен и подтвержден клятвенными обетами, было условлено, что сарацины освободят нас сразу же после дня Вознесения Господня, и, как только Дамиетта перейдет к эмирам, они освободят короля и всех высоких особ при нем. В четверг вечером для тех, кто находился под стражей на наших четырех галерах, стоящих посредине реки, выше моста к Дамиетте, поставили шатер у моста, рядом с тем местом, где король сошел на берег.

На восходе Жоффруа де Саржине передал Дамиетту эмирам. На всех башнях взвились флаги султана. Сарацинские воины заполнили город и начали пить вино, так что вскоре все были пьяны. Один из них поднялся на нашу галеру и, обнажив саблю, покрытую пятнами крови, сообщил, что он лично убил шестерых наших людей.

До того как Дамиетта была сдана, на наши суда прибыла королева со всеми своими приближенными, которые были в городе, – за исключением больных. Сарацины были связаны клятвой обеспечить им безопасность, но всех их они перебили. Машины короля, которые они также обязались сохранить, были разбиты на куски. Что же до солонины, которую они должны были сохранить для нас, вся она была уничтожена, поскольку сарацины не едят свинины. Остатки машин сарацины сложили в одну кучу, солонину – в другую, трупы свалили в третью и все это подожгли. Огромное пламя горело всю пятницу, субботу и воскресенье.

Король и все мы должны были получить свободу на рассвете, но сарацины держали нас до самого заката. Все это время у нас не было еды; не показывались и эмиры, которые все это время спорили друг с другом. Один из них, говоря от имени тех, кто поддерживал его, сказал: «Друзья мои, если вы выслушаете меня и тех, кто думает, как и я, то вы казните короля и всю знать, которая находится при нем. И тогда сорок следующих лет нам не будет угрожать никакая опасность, потому что их дети еще юны, а Дамиетта принадлежит нам. Именно так мы и должны поступить для большей безопасности».